

С.С. Ольденбург

**Государь Император Николай
II Александрович**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.С. Ольденбург**
Государь Император Николай II Александрович / С.С. Ольденбург – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 74 с.

ISBN 978-5-517-83302-0

ISBN 978-5-517-83302-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

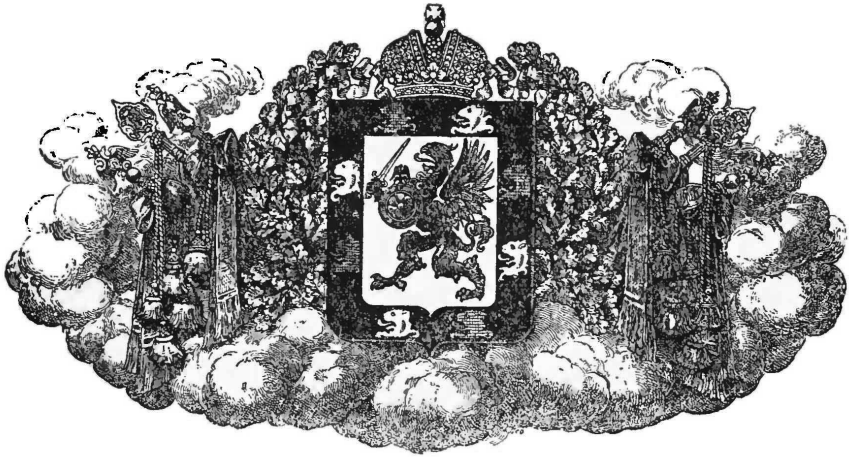

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

С. С. Ольденбургъ. Слово памяти Государя
(сказанное на собраніи народно - монархическаго
союза 22 Ноября 1921 г.)

Памяти всѣхъ погибшихъ за Россію.

Мы, русскіе, особенно — русскіе образованнаго, интеллигентскаго класса, очень мало знали своего Государя. Мало знали — и въ большинствѣ, надо сказать, мало хотѣли знать. Въ русскомъ обществѣ не было того, что мы видѣли въ другихъ странахъ: любовнаго интереса къ жизни и къ быту своихъ правителей. Даже больше того: у насъ въ интеллигенціи считалось чуть ли не признакомъ дурного тона — знать имена Великихъ Князей, и степени ихъ родства; отъ всего, что печаталось съ заглавной буквы, всего Высочайшаго, сторонились; въ собраніяхъ сочиненій великихъ русскихъ поэтовъ — стихи, посвященные лицамъ Царской семьи, подвергались молчаливому бойкоту. Кто, напр., даже изъ хорошо знающихъ Тютчева помнитъ его удивительное «Memento», посвященное Вдовѣ Императора Николая I?

Многіе, не считая себя республиканцами поображеніямъ политической, а то и полицейской цѣлесообразности, полагали наиболѣе умѣстнымъ игнорировать личность Монарха, умалчивать о ней. — Nil nisi bene? — но вѣдь монархія то была тогда жива, и очень жива! И у очень многихъ это намѣренное невѣдѣніе извратило непоправимымъ образомъ пониманіе исторической дѣйствительности, — что сказалось и въ 1906, и въ 1916 г.

Условія, приведшія въ наши дни къ такому отношенію, конечно сложны. Надо признать, что русская исторія послѣднихъ столѣтій не создавала и не облегчала взаимнаго пониманія между властью и тѣмъ, что принято называть обществомъ, что, конечно, не едино и можетъ опредѣляться по разному, но несомнѣнно существуетъ, какъ ни расплывчаты его формы. Вина — на обѣихъ сторонахъ.

Послѣднія, внѣшнія грани — высокія ограды дворцовыхъ парковъ и казачьи разъѣзды вдоль стѣнъ — явились уже отвѣтомъ на рядъ покушеній, не встрѣчавшихъ достаточнаго нравственнаго отпора въ обществѣ. Было бы недобросовѣстнымъ винить въ данномъ случаѣ власть; но лишняя черточка и этимъ къ отчужденію прибавилась.

Одной изъ наиболѣе глубокихъ причинъ иногда сознательнаго расхожденія власти съ обществомъ была своеобразная политика, пытавшаяся править, опираясь на низы, черезъ головы промежуточныхъ классовъ. Эта мысль — противопоставленіе добраго народа злой интеллигенціи — это, своего рода, народничество справа — было близко многимъ Государямъ, начиная отъ Императора Николая I. Это — антитеза тому, на чемъ строила власть Великая Екатерина. Это — политика Ивана Грознаго противъ бояръ, или Густава III противъ шведскаго дворянства, и т. д., политика, въ общую оцѣнку которой здѣсь входитъ не мѣсто; но несомнѣнно, что

и покойнымъ Государю и Государынѣ бывала близка эта мысль; что ее раздѣлялъ отчасти и Витте, и въ гораздо меньшей степени Столыпинъ.

Одна изъ опасностей этого пути въ томъ, что онъ легко приводитъ къ утратѣ чувства политическихъ реальностей. Создается рядъ фикцій, условностей. Живая связь между властью и населеніемъ замѣняется теоретической. Вѣра въ какой-то настоящей, добрый, преданный своему монарху народъ — жила въ Государѣ до послѣднихъ дней. Онъ, можетъ быть, былъ и правъ — но до этого народа Царскій голосъ не долеталъ черезъ враждебныя средостѣнія. И былъ у Государя — извращенный образъ общества и народа, у народа и общества — искаженный образъ Царя.

Сторонясь отъ всякихъ подлинныхъ свѣдѣній о Царѣ и Царской семьѣ, съ упорной предвзятостью русская интеллигенція воспринимала и запоминала то, что печаталось о Царѣ въ подпольныхъ революціонныхъ пасквиляхъ, обычно по своей фантастичности относящихся къ области «развѣсистой клюквы»; ловила шопоть придворныхъ сплетень, инсинуаціи опальныхъ савонниковъ. Мнѣніе о Государѣ, какъ о человѣкѣ невѣжественномъ, ограниченномъ — нѣкоторые договаривались до выраженія «слабоумный» — человѣкѣ безвольномъ, при этомъ зломъ и коварномъ — было ходячимъ въ интеллигентскихъ кругахъ. Даже военный чинъ Его — въ которомъ Онъ остался потому, что Отецъ Его скончался, когда Государю было 26 лѣтъ — обращали Ему въ укоръ, говоря о «маленькомъ полковникѣ», объ «уровнѣ» — почему-то — «армейскаго полковника» и т. д. Такъ создалось между монархомъ и народомъ средостѣніе, пропускавшее только дурное, и задерживавшее все хорошее.

Кому случилось быть въ началѣ 1914 г. на посмертной выставкѣ картинъ Сѣрова, тотъ не могъ пройти, не обративъ вниманія, мимо портрета Императора Николая II, который принадлежитъ къ числу лучшихъ твореній покойнаго художника. Кто внимательно всматривался въ тогда молодое, такое русское, лицо Государя на этомъ портретѣ, съ тонкими чертами лица, съ оттѣнкомъ русской задумчивой печали въ глазахъ — тотъ долженъ былъ почувствовать, что передъ нимъ — не обыкновенный человѣкъ. Этотъ образъ такъ не соответствовалъ традиціоннымъ въ интеллигенціи представленіямъ! — Великій русскій портретистъ проникъ въ духовную сущность Русскаго Царя, и выразилъ ее лучше, чѣмъ то могли бы сдѣлать рядовые наблюдатели. Да, Государь Николай Александровичъ не былъ зауряднымъ человѣкомъ.

Начать хотя бы съ внѣшняго. Государь, котораго недоучившіеся семинаристы въ своихъ листкахъ обзывали невѣждой, былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ монарховъ своего времени. Онъ совмѣщаль высшее юридическое и высшее военное образованіе. Его учителями были такіе выдающіеся люди, какъ Бунге, какъ Побѣдоносцевъ (котораго даже его идейные враги признавали человѣкомъ сильнаго ума), какъ профессора Капустинъ и Замысловскій; въ военной области — ген. М. И. Драгомировъ, профессоръ Лееръ и др. Послѣ 13 лѣтъ средняго и высшаго обученія — а часть времени отнимала и военная служба — Государь, тогда еще Наслѣдникъ, совершилъ большое путешествіе по Европѣ и по Азіи. Если для ознакомленія со странами официальное путешествіе даетъ въ нѣкоторомъ отношеніи меньше, чѣмъ обычное, то оно, съ другой стороны, даетъ возможности проникнуть и туда, куда не пустишь простыхъ смертныхъ. Да и путешествіе по

Азіи въ тѣ времена, когда еще было мало желѣзныхъ дорогъ, было не то, что позже.

Государь зналъ въ совершенствѣ главные три иностранныхъ языка, — изъ нихъ отдавая, въ личной жизни, предпочтеніе англійскому.

Всѣ, кому приходилось съ Нимъ работать, отмѣчаютъ способность быстро осваиваться съ подлежащимъ обсужденію предметомъ, — способность, особенно важную для Монарха, которому приходится рѣшать сложнѣйшіе вопросы.

Далѣе. По всему своему облику Императоръ Николай Александровичъ былъ царственнымъ Государемъ въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова. Онъ не имѣлъ склонности къ шумихѣ внѣшней декоративности. Онъ не пытался состязаться въ ораторскомъ искусствѣ съ представителями судебного или парламентскаго краснорѣчія. Онъ не стремился стать законодателемъ модъ, львомъ салоновъ, любимцемъ публики заграничныхъ курортовъ. Все нероновское, все рекламное было ему глубоко чуждо. Пушкинъ, который въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ», далъ глубочайшія прозрѣнія сущности монархіи, говоритъ: «Не долженъ царскій голось — На воздухъ теряться по пустому — Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать — Велику скорбь или великій праздникъ». Это истинное пониманіе Царскаго достоинства, чувство монархическаго такта, было въ высшей степени присуще Государю.

И въ то же время, оно не переходило у Него никогда въ обратную крайность, въ китайщину, въ засилье внѣшнихъ формъ этикета. Тутъ опять-таки, всѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ Государемъ, отмѣчаютъ необыкновенную простоту обращенія. Самому робкому человѣку становилось «по себѣ», когда онъ имѣлъ случай говорить съ Государемъ. Такойъ врагъ покойнаго монарха, какъ гр. Витте, пишетъ въ своихъ мему-

арахъ: «Я не знаю такихъ людей, которые, будучи первый разъ представлены Государю, не были бы Имъ очарованы; Онъ очаровываетъ какъ своей сердечной манерой, обхожденіемъ, такъ и въ особенности удивительной воспитанностію, ибо мнѣ въ жизни не приходилось встрѣчать по манерѣ человѣка болѣе воспитаннаго, нежели нашъ Государь».

Этотъ особый даръ очаровыванія, *charmeur*ство, которое изъ Державныхъ предковъ Государя было при-суще, кажется, только Александру I, у Императора Николая II еще дополнялось другимъ природнымъ даромъ — огромной памятью на лица и имена, тѣмъ, что такъ умѣло когда-то использовалъ Наполеонъ въ отношеніяхъ со своими солдатами.

Конечно, когда Государь того желалъ, Онъ умѣлъ и показать — въ вѣжливой, бесконечно-разнообразной въ оттѣнкахъ формѣ — и свое неудовольствіе, свое недовѣріе. Тѣ, на чьемъ пути становилась Его воля, не смогли Ему этого простить.

Сѣровскій портретъ намъ не солгалъ: въ лицѣ Императора Николая Александровича мы имѣли при-рожденнаго монарха, со всѣми необходимыми для этого внѣшними данными. При томъ Онъ не былъ чело-вѣкомъ другой эпохи, выходцемъ «временъ простыхъ и грубыхъ» — это былъ современный монархъ, современ-ный человѣкъ, со всею душевной сложностью и пси-хологической утонченностью нашихъ трудныхъ, нашихъ «декадентскихъ» дней.

Въ личной жизни — этого не отрицали, въ сущно-сти, и злѣйшіе Его противники — покойный Государь былъ прежде всего простымъ, хорошимъ семьяниномъ. Ему были по душѣ всегда не парады, не торжественныя празднества, не блескъ дворцовъ и столицъ; онъ больше всего любилъ бывать въ кругу своихъ, ходить со сво-ими дѣтьми по садамъ и паркамъ, по Царской дорожкѣ

Ливадіи - Ай - Тодоръ; любилъ Крымъ, Бьёрке, Александровскій паркъ въ Царскомъ Селѣ. На личную жизнь Государя только люди совершенно неосвѣдомленные могли пытаться набрасывать тѣнь, — другіе довольствовались формулой: «да, Онъ хорошій семьянинъ — но». А такъ ли мало для оцѣнки человѣка — хорошая семья, свѣтлая семейная жизнь? —

Сложнѣе — личность Государя, какъ монарха. Воспитанный для царства, Онъ видѣлъ съ раннихъ лѣтъ передъ собой огромность ожидающей Его задачи. Власть — какъ долгъ: власть, возлагающая великую отвѣтственность — вотъ основная черта его политическаго міровоззрѣнія. Не честолюбіе — его у Государя почти не было — не «вкусъ къ власти», — ни, конечно, какія либо матеріальныя соображенія — Онъ жилъ, по свидѣтельству того же Витте, скромнѣе многихъ своихъ министровъ, не говоря уже о заграничныхъ богачахъ! — но пониманіе власти, какъ права и обязанности одновременно, лежало въ основѣ всѣхъ дѣйствій Императора Николая II. Онъ считалъ, что отвѣтственность за судьбы ввѣренной Ему Богомъ страны лежитъ на Немъ и что отъ нея никакой земной судъ не можетъ Его разрѣшить.

Во время переговоровъ о мирѣ съ Японіей Императоръ Вильгельмъ далъ Государю совѣтъ — передать Портсмутскій договоръ на ратификацію только что возникшей Государственной Думѣ. Тогда, писалъ онъ, если она приметъ этотъ не очень выгодный договоръ — ну что же, отвѣчаютъ народные представители; отвергнуть — значить, войну захотѣлъ не Царь, а парламентъ. — Государь на это возразилъ, что отвѣтственность за свои рѣшенія Онъ несетъ одинъ передъ Богомъ и исторіей. Въ этомъ обмѣнѣ телеграммами сказалось разное пониманіе отвѣтственности: Германскій Императоръ давалъ совѣтъ, на кого передъ обще-

ственнымъ мнѣніемъ взвалить вину за непопулярное рѣшеніе. Государь считалъ, что по существу, передъ Богомъ и исторіей, отвѣтствененъ Онъ, — и отвергалъ такое внѣшнее переложеніе бремени.

Это же высокое сознание отвѣтственности, отношеніе къ власти, какъ къ долгу, заставляло Государя въ теченіе многихъ лѣтъ относиться отрицательно къ попыткамъ ограниченія Его власти. Отвѣчать передъ Богомъ долженъ Онъ; а какъ отвѣчать, если не имѣть свободы распоряженія? По всему воспитанію, по основамъ своего міровоззрѣнія, Императоръ Николай II. былъ несомнѣнно абсолютистомъ. Но если бы онъ искренне убѣдился, что для блага страны пригоднѣе иной порядокъ, и что въ Россіи есть силы которымъ можно довѣрить часть священныхъ правъ-обязанностей — конечно, именно Онъ сдѣлалъ бы это съ радостью: ни личнаго властолюбія, ни потребности вмѣшиваться во всѣ дѣла государства Онъ никогда не имѣлъ. Бремя власти Онъ несъ, какъ тяжелый долгъ.

Но когда Онъ сдѣлалъ шагъ въ этомъ направленіи — какъ былъ онъ встрѣченъ? Что же, развѣ тѣ силы, которыя такъ громко требовали правъ, проявили тогда пониманіе обязанностей? Когда былъ изданъ манифестъ 17-го октября, развѣ не закрутилась по всей Россіи какая-то дикая бѣсовская пляска? «Добейте гадину», писали газеты. «Граждане, жертвуйте на гробъ Николая II.», остроумничали революціонеры на улицѣ. Что — московское возстаніе было до или послѣ манифеста? — А когда собралась I-я Государственная Дума, которую Императоръ всетаки встрѣтилъ благожелательными словами — что видѣлъ Онъ отъ нея? Требования, требованія, рѣзкія и властныя по тону, отклоненіе поправки Стаховича объ осужденіи террора, слова о крови подъ горностаевой мантией, поминутное бряцанье мечемъ «революціоннаго народа». Такъ ли ужъ былъ